
Мне нравится осеннею порою
Под лёт листа, под долгий
птичий крик
По сжатым жёстким нивам
напрямик
Идти-брести ведущей вдаль грядую.

Или по краю леса, вдоль дорог,
Где ямины заполнены водою
С коленей пить небес
прозрачный сок
И умываться их голубизною.

Потом отдать себя
пригреть земле,
Предаться мелких чувств разброду,
Всё бросить лениности в угоду.

Там, время где теряется во мгле,
Помедлить миг на бытия игле, —
И кануть в Лету, будто
камень в воду.

Ночью зимнею белёсой
Слабо светит снег полей.
Паутинистые лёсы —
В небе ветви тополей.

И луны напоминаьем
Нежно-просветлённый круг.
Неземным воспоминаньем
Ветер тронет вежды вдруг...

Тишины первичной кокон.
Глаз раскрыта пара окон —
Створы жизни так тесны!

Но лишь только захочу я —
Ноздри трепетно почуют
Приближение весны.

В грязных стёклах зимних окон
Предпоследний солнца взгляд.
В голубой закат, в далёко
Провода слегка звенят.

Вот пригорок греет пузо.
Вот домой, без дураков,
Трусит стадо облаков.
Дым из труб ползёт медузой.

В муках родов лопнут почки
От горячих губ лучей —
И пойдут расти бойчей,

Верить? — зло, как старый снег,
Скорчась, доживает век,
Спрятавшись за ржавой бочкой.

Все печали сейчас далеки.
Небо — море, челны — облака...
Змейка мелкой резвушки-реки
Потянула меня, повлекла.

Щиплет тело студёной струёй,
Над водой — ветерок холодит.
Проплываю меж тины речной
Под нависшие арки ракушек.

После жарюся на плитке песка.
В топке солнца — дрова хороши.
О, как жизни рубашка тесна
Для моей разогретой души!

Льётся запах покошенных трав
В тёплый воздух.

Щедра благодать!
Был же, был утверждавший
тот прав,
Что до счастья — рукою подать!

По-на склоне берёзы, сосны,
В пойме мутно бурчит вода.
Как цинга разъедает дёсны —
Так и душу точат года.

На суку висит череп волчий.
Скоро выбелит первоцвет
Весь подлесок, бреду где молча,
Спотыкаясь о корни лет.

Без вина, вины виноватый
Наливается глаз тоской.
Мне бы сбросить — что тот,
сохатый
Груз рогов — тяжесть лет долой.

След болотный — раздумий
поступь
Прошлогодней клюквой возник...
Я крошу прожитое вроссыпь —
Как в ладонях мну трутовик.

Мне б кругов, что жизнь намотала,
Отмотать, что впотьмах бекас...
Только мякоть-молодость стала —
Как скелета прочный каркас.

Костенеющей массой фраз.

ДВОРЫ «ХРУЩОВОК»

Никак не уложиться в слово,
Что взгляду — в перья облаков.
И росчерки стрижей не новы
На фоне зоревых мазков.

Средьлетний вечер из «хрущовок»
Повыгнал вскрики детворы.
Арго старушечьих тусовок
Полнит окрестные дворы.

Поют и пьют. Ковры колотят.
В сарае мастерят засов.
Коты владения обходят.
Отцы выгуливают псов.

Серьёзно, с кулаками, споря,
В соседской лаются семье.
И то ли спьяну, то ли с горя
Всё кто-то воеет на скамье.

Потом смолкает... Только светит
Одно всегдашнее окно.
В безлунной тьме полощет ветер
Листву и звёзды заодно.

.....

К утру дремоту у подъезда
Спугнёт каблучный перестук —
Нагретое оставив место,
Она ушла — случайный друг.

Нарисовался дядя Вася...
Парад похмельных мужиков —
Чтоб дальше день весь
снова квасить —
Пошёл на штурм пивных ларьков.

К полудню зло грозы сгустилось...
Вот каплями прибило пыль, —
...И так всё в мире закрутилось:
Не разобрать, где миф, где быть.

Ёлкам лапы крутит ветер,
Рвёт пергамент бересты,
Заставляя веток плети
Класть поклоны и кресты.

Поле, белое от снега,
Ловит сизый горизонт.
Птица, чёрная от века,
Граем кроет Русский Понт.

Переполнили чернила
Склянку неба. Только вдруг
Гряз высот на нас свалило
Снежной лаской милых рук.

Тишина забила уши.
В хлопьях застревают взгяд...
Спать в берлоге. Сонно слушать,
Как миры кругом храпят.

Смолкли сполохи заката.
Силуэты изб...
У пригорка лоб покатый
Стал от снега чист.

Ох уж галок гам дотошный...
Но смолкает он.
Каплепада осторожный
Набухает звон.

Запах прелый, брёвна мокры.
Графика ветвей
В крае неба цвета охры
Чётче и черней.

.....
Смолкли сполохи заката.
Ночи воздух свеж.
Только звуки каплепада
Тишины промеж.

СЕВЕР, ЮГ,
ВОСТОК И ЗАПАД

Снова время года
Чёрно-белое фото.

Замерзают доли,
И деревья голы.

В небе снега каша.
Дым над домом нашим.

Клювиком стучится
Нам в окно синица.

Из-под снега русы
Иглы белоуса.

Холодом колодца
Можно уколоться.

Хат печальны лица,
Чьи пусты глазницы.

Хвост сороки вился —
Наш забор свалился.

Не дожидаться чуда.
Вкруг сплошное худо.

Всей надежды, правда,
Что придет Завтра.

И вот эта вековая повторимость
Голых веток на ветру качанья,
Труб, коптящих тягостное небо,
Снеговых полей неодолимость,
Глыб пространства
пропасти молчанья,

Дряхлость изб,
скосившихся нелепо, —

Это мне истачивает сердце,
Истончая до последнего предела,
Когда — взрыв от остря
прикосновенья.

Это — та загадочная дверца,
Где Надежда век сидела —
поседела,
Иссушив и ум, и плоть свою,
и зренья.

Здесь от роду заунывны песни.
Здесь веселье сродни
пьяной фальши.
Здесь все ждут. Хотя
не верят в Воскресенье...
Как мне здесь неважно! Вот если
Только есть любовь твоя...
А дальше?
Та же дряхлость изб...

- 1 -

Тронув розовый цветок
На кривых ветвях деревьев,
Слижет воздуха поток
Аромат душистых перьев.

Там в ручьях, где ноги пагод,
В воду, крепкую, как хмель,
Мечет толстая форель
Радугу икринок-ягод.

- 2 -

Чайка встала на крыло,
Опершись на льдину ветра.
Тянут в синь прямые метры
Камня скалы тяжело.

На черте воды и тверди
Пены снег в избытке дум.
Молчаливо ходят сельди,
Презирая моря шум.

- 3 -

Церковь, цепи гор, Европа.
Мостик каменный в дугу,
Семь домов, ворона, тополь
И охотник на снегу.

На пруду, коньки манящем,
Где застывшая вода,
Пучит глаз из-под льда
Окунь, рот раскрыв кричащий.

- 4 -

Пылью степи, звоном дали,
Тягой песни — пьёт глаза...
Да закончился азарт
Сбором в край, куда не звали.

Эту долю вековую
Шук веленье не развеет...
А головушку дурную
Соловушка пожалеет.

Утро. Солнце. Воскресенье.
Иней. Блёстки. Холод. Печь.
Провода. Кусты. Деревня.
Избы. Кошки. Люди. Речь.

Речка. Лёд. Следы. Водича.
Тютчев. Кофе. Слово. Сон.
Свет. Огонь. Мороз. Синица.
Гайдн. Звуки. Почтальон.

Хлеб. Окно. Тулуп. Тропинка.
Мостик. Омуток. Откос.
Санки. Дети. Лай. Картинка.
Свечки. Пенie. Христос.

Звёзды. Скрип. Усталость. Сытость.
Папироса. Водка. Брань.
Ночь. Забвеньe. Кашель. Сырость.
Понедельник. Серость. Рань.

Чахлые берёзки
И листва под ними...
Вдруг небесный тёзка
До высот поднимет

От-над всем, что тянет,
Чем живу-скупаю.
И полёт мой грянет
Дерзостно-отчаянно.

Понесусь над пашней,
Понесусь над всеми.
Будет очень страшно
Обгонять мне время,

Время — развалюху,
Время-колымагу.
Эх, держи Андрюху!..

Орден за отвагу

Так ты не получишь,
Лишь коровьи очи
Удивлённо вспушишь
К горизонту ночи,

К россыпи росистой
Звёздочек безвестных
На могилах мгlistых
Кладбищей небесных.

И когда счернеет
Прошло-голубое,
Всё заледенеет
Тёплое-былое,

Там, где расстоянья
Нет к Земле возврата,
В ниву расставанья
Я внесу уплату:

Памятному воску
Отпечаток вклею —
Чахлую берёзку
И листву под нею...

Жене

Медленно дождь моросит
этой ночью.
Косо столбы вдоль дороги — вдаль.
Ты же — с собой, со своею дочерью.
Мне же — тебя до любви — жаль.

Как бы всё — есть.
И в полете птицы,
С треском кругами ходящей
над поймой,
В струях дождя, что так вечно
длится,
И в силуэте ночном колокольни.

Как же тобою мне в это влиться?
Верой твоею-моей-двуединой.
Чтобы молчаньем, дыханьем
слиться,
Стать изумрудом, золотом,
платиной.

Здесь мне — никак
ходить и мучаться
Будней грехами... Тобою тож...
Ты здесь — во всем мне
сейчас попутчица;
Там ты — цепями любви —
придёшь!

РАДОСТНО

Утро. Яркий солнца мячик
В белых гребнях облаков
То утонет, то подскочит:
Вот сверкнёт — и был таков.

Дым из труб втекает в реку
Неба — в небе ледоход.
И плывёт, лелеет негу
Нашей крыши пароход.

Облаков тревожат льдины
Игры галок-непосед,
А на краешке Земли мы
Машем шапками вослед.

Птичий праздник голосистый
В звонком небе. А у нас —
Снег пахучий, снег искристый
Таёт, замерзает в наст.

Всюду снежная равнина —
И искриста, и бела:
Сводня-тучка на смотрины
Лесу Зиму привела!

дер. Бледны, октябрь 93.

От корысти да от злости
отклонюсь,
До дождя щекой доверчиво
дотронусь.
Я в осеннее оконце окунусь,
Остриём установив событий
конус.

В созерцательные мелочи
уткнуусь,
В метафизике беспомощно
погрязну.

На жене своей я заново женюсь,
Как люблю её — увижу очень ясно.

То, что скрыто — под ногами,
под листвою.
То, что топчем — соль земли,
необходимость.
Буду в вечность заносить я
профиль твой,
Зачеркнув любых времён
необратимость.

Слушать печку, дождь и ветер,
темноту,
Как живут листва и рыбы,
сердце милой...
Просыпаться спозаранку поутру,
Чтоб любви ловить мгновенья
неостылой.

И однажды на запруде первый лёд
Буду бить веслом,
нисколько не жалея...
Пусть мне сердца леденелость
разобьёт
То, люблю чего, —
страдаю, и болею.

Весна. Дожди.
Стодневная усталость.
Потоки мутные — в мозгах, в реке.
Из всех забот
единственно осталось —
Размазать муху пальцем на стекле.
Пейзаж — ленивый, скучный, —
равнодушных
Пост-русских дело
подневольных рук.
В краю, где нет незаменимо нужных,
Плодят детей для продолженья мух.

(Себе обязанность весеннюю внушая?)
Стирают простыни.

Готовят постный суп.
Деревней ставят голодранцу
новый сруб.

Стирают дни календаря.
И будь ты глуп,
Коль не подхватит эта жизнь
тебя большая!
И даже я грешу,
ничуть не согрешая...

Вон какое вечернее небо!
На откосе — скамейка у церкви.
А внизу в речке рыбины. Либо
Облаков отражения...
Верьте!

Спрятанный далями —
день минувший.
За облаками — Богово логово.
Я с сумою, ногами распухший,
Черчу вопросом песок посохом.

В пути идущий, глазам следующий,
Я — следующий, себе же — первый.
Я — за пазухой. Я — как бы вербный.
Перекасти-поле под ветром дующим.

И тут в сумерках — звон —
разрешением,
Звон — разрушением зла.
Умер кто?.. — Нет.
Просто вечер...

ДОЛЬНЕЕ СЧАСТЬЕ

Ночь без сна.
Звезды вставлены в раму.
Отблеснула в зрачок амальгама
На глазах поседевшую прядь —
И попятилось времечко вспять.
На погост не несли милых руки,
На коленях не прыгали внуки,
Не хвалили за жизнь трудовую,
Не гонял во лесу молодую.

Не звала юность знанием новым,
Не ожегся крапивой за домом,
Молока из кувшина не пил,
Не заплакал, родившись.
Не жил.

РОДОСЛОВНАЯ

Вот мгновенье — исходная точка.

Для зачатия чудная ночь.

Лишь кукушка начнёт куковать —
Будешь заново жизнь выбирать?

...От забот, от работ — гул идёт,
Пчёлы весело делают мёд.

Коль в заменах потребности нет —
Накукуй, птаха, долгих мне лет.

Ночное молоко тумана.

Капли монотонный шум.

Мне умирать, быть может, рано,
Но тяжка неизбежность дум.

«И в дольний мир тепло вернётся»,
Три раза спели петухи...
Да так душа порой свернётся
От грязи, наготы, тоски,

От нашей родины убогой,
Разгульной, пьяной, нищей, злой,
От той церквушки кособокой,
Бредущей площадью пустой,

От всех смертей, снегами скрытых
Сквозь сито сеянных имен,
От не имущих срама сытых,
От саванов — что из знамен.

Рука — рефлексом пионерским —
К в бутылке взросшей голове
Всё тянется в салюте дерзком.
Везде раздолье трын-траве.

Кто просит новое корыто,
Кто хочет просто вечно спать.
И было б всем тепло и сыто,
Легко и мягко —

умирать...

Да только облака над нами —
Желаний наших паруса —
Такими стройными рядами!
И половодны небеса.

Что ж, снова в лужах подоконник,
И склянок звон. Знать, плыть и мне
В тот нехристианский
треугольник —
Рожденье. Жизнь. Небытие.

Что любовь к седьм камням Европы
Спахнувших стодавностью страны?!
Вся Россия нам теперь — некрополь
В прошлое ушедших милых лиц.

Стружки дух сосновый и смолистый,
Крепость изб из звонкого бревна,
Влаги родниковой хлад слезистый,
Песни нить, спокойна и ровна...

Эхом: «Утоли моя печали» —
Звука след и тень от миража —
На фамильном дереве качает
Лист последний. Трепетно дрожа

Он сорвётся, резкость фото
смажет —
Так печальна тленная краса —
Либо в землю перегноем ляжет,
Либо улетит на небеса.

ДОЖДЬ И СНЕГ

...Дождь моросит. Небесная слеза
Ничем не рознится от дольней оной,
Когда сольются. Мокрые глаза
Я б объявил для нас запретной зоной.

От сна восстав, дотошный снегопад
Досужим утром грустно наблюдаю.
И нехотя двойник мой припадает
К стеклу извне, мигая невпопад.

Мы не сыны гармонии. Кристалл
Совсем негармонично смертен
Для нашей широты. И он устал
Звенеть как камертон,
как чьё-то сердце...

.....
Да, впрочем, ладно... Месяца на два
Всех упокоит русская зима.

ЖВАЧКА

Смена вех. Смеха век смерти всех
Смердов. Вверх в меру смело из тех
Семят, чей не ветошь
семейный рукав
Семена семантических прав.

С неба свержена снежная снедь,
Смежа веки посмели иметь
Семь чудес из семитских племён —
Семьи в тесном соитьи имён.

Дождь опять льёт. Пять лет вождь
Правил и будет опять.

Мочит нас ливнем правил,
Вспять указом морочит. Знать,
Скоро введут новую
орфографию.

«Не так ли и радость, прекрасная
и непостоянная гостя, улетает
от нас, и напрасно одинокий звук
думает выразить веселье...
И тяжело и грустно становится
сердцу,
и нечем помочь ему».
Н. Гоголь. «Сорочинская ярмарка»

Яблонь шумный листопад,
Тёплых запахов улада,
Белых облаков парад.
Мы с тобою в центре сада.

Сыр с вином. Соединенье
Тел. И входит, сладок, сон.
Вечером уединенье
С свежим видом на балкон.

Август свой клубок мотает
Что ж мы ищем? Что мы ждём?..
Моль древесная летает
И чревата ночь дождём.

Скоро свяжут солнца спицы
Лета длинный сарафан,
По оврагам заструится
С запахом грибным туман,

Скоро жёлтым тронет листья,
Скоро станет грусть мила.
И уже не буду грызть я
Жизни борзой удила.

А пока тепла земляца —
Нам не к спеху на постой.
Ночью августа не спится,
Всё гуляется с тобой.

Мы с тобой ногами топали —
И вприкуску, и впригляд —
Со всего разгона, вкопанный,
Вдруг застыл летящий взгляд:

Всё, чего сегодня хочется,
Греет кровь, ласкает слух —
Всё в Сорочинце закончится
Танцем пьяненьких старух...

Не могу я знать пока
Зачем ветру облака
Зачем морю — корабли
Расставания — любви

Горизонт зачем земле
И зачем нужна ты мне
Зачем этот снег идёт
Грусть такую месяц льёт

Зачем радостна весна
И моя слеза ясна
Зачем держит нас порог
Зачем много так дорог

Не могу я знать пока
Зачем эта мне строка
Зачем сложное в простом,
И великое — в пустом

Зачем к звёздам нам хотеть
И былиночку жалеть
Зачем космос так далёк
И такой нам малый срок

Зачем время рушит твердь
Зачем жизнь сменяет смерть
Не могу я знать никак
То, что в мире — просто так

ТВОРЧЕСТВО

Оставить
продолжающим-живущим:
Полёт стрижа,
впечатанный в бумагу
Хрусталь ручья
на мокрой акварели
Игру стекла
в догадки отражений
И терпкий вкус
античной мысли-гуци
И мрамора сочащуюся влагу
Клавира
готикою взнузданные трели
И горечь
непроигранных сражений...

Покуда этот маятник запущен,
Всё будоража дерзкую ватагу,
Не заметут вселенские метели
Любви и муки —

путь восхождений.